

Возобновляемая энергетика и ее роль в энергополитике Российской Федерации и других стран

Бабанин Иван Олегович

Аспирант

ORCID: 0009-0001-9413-1399, e-mail: babanin.vania2013@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Предметом исследования выступает энергетическая политика государства в ее стратегическом аспекте и степень учета роли возобновляемых источников энергии в достижении ее целей. Анализ актуальной энергетической стратегии Российской Федерации до 2050 г. позволяет обозначить ключевые ориентиры государства в долгосрочной перспективе, принимая во внимание глобальный энергетический переход и тенденции развития возобновляемой энергетики за рубежом. Проведен сравнительный анализ подходов Российской Федерации, Европейского Союза, Соединенных Штатов Америки и Китая к развитию энергетического комплекса с целью выявления корреляции между ресурсной обеспеченностью страны/региона традиционными энергоносителями и степенью учета роли возобновляемых источников энергии в энергетическом комплексе. Это позволит в дальнейшем выявить ключевые движущие силы энергетического перехода с учетом региональных особенностей и проводимых политик, а также сконструировать модель оценки стратегической конкурентоспособности страны на рынках возобновляемой энергетики. Путем анализа статистических и научных публикаций, материалов средств массовой информации и отраслевых организаций сформированы рекомендации по корректировке подхода к стратегическому планированию развития энергетического комплекса с учетом выявленных закономерностей и взаимозависимости экономик стран в достижении целей устойчивого развития.

Для цитирования: Бабанин И.О. Возобновляемая энергетика и ее роль в энергополитике Российской Федерации и других стран // Вестник университета. 2026. № 2. С. 105-114.

Ключевые слова

Энергетическая политика, возобновляемая энергетика, энергетическая стратегия, цели устойчивого развития, энергетический переход, мировой энергетический рынок, рынки возобновляемой энергетики

Renewable energy and its role in energy policy of Russia and other countries

Ivan O. Babanin

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0001-9413-1399, e-mail: babanin.vania2013@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The subject of the study is state energy policy in its strategic aspect and the degree considering the role of renewable energy sources in achieving its goals. The analysis of Russia's current energy strategy until 2050 makes it possible to identify the state's key guidelines in the long term, considering the global energy transition and trends in developing renewable energy abroad. A comparative analysis of the approaches by Russia, the EU, the US, and China to developing the energy sector has been carried out in order to identify a correlation between the resource availability of the country or the region with traditional energy sources and the degree considering the role of renewable energy sources in the energy sector. This will make it possible to further identify the key drivers of the energy transition, considering regional specifics and current policies, as well as to construct a model for assessing the country's strategic competitiveness in the renewable energy markets. Through the analysis of statistical and scientific publications, materials from the media and industry organizations, recommendations have been formed to adjust the approach to strategic planning for developing the energy complex, considering the identified patterns and the interdependence of the state economies in achieving sustainable development goals.

For citation: Babanin I.O. (2026) Renewable energy and its role in energy policy of Russia and other countries. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 105-114.

Keywords

Energy policy, renewable energy, energy strategy, sustainable development goals, energy transition, global energy market, renewable energy markets

ВВЕДЕНИЕ

Влияние государства на развитие национальной энергетической системы и соответствующих рынков во многих странах мира выступает определяющим. Причина важности участия правительства кроется в стратегической роли энергосистемы, которая определяет обеспеченность граждан и предприятий стабильным и бесперебойным электричеством и теплом. Поскольку государственная политика в современных условиях является одним из ключевых элементов в создании конкурентоспособных на мировых рынках отраслей, ее исследование в контексте формирования и развития относительно молодого рынка возобновляемой энергетики представляется актуальным [1].

Солнечная, ветровая, гидроэлектроэнергетика и другие виды так называемой «зеленой» энергетики рассматриваются исследователями в качестве необходимых составляющих достижения целей углеродной нейтральности, предотвращения климатических изменений, экологизации хозяйствования. Степень учета государственными органами в своей политике и бизнесом в своей деятельности роли возобновляемой энергетики в достижении указанных выше целей является предметом исследования. Целью настоящего исследования обозначим выявление корреляции между обеспеченностью отдельной страны традиционными топливно-энергетическими ресурсами и степенью учета роли возобновляемой энергетики в развитии национального энергетического рынка.

Актуальность темы исследования определяется недавним утверждением Правительством Российской Федерации (далее – РФ, Россия) новой Энергетической стратегии, что свидетельствует о выявленной необходимости пересмотра ориентиров и приоритетов в соответствии с динамично развивающимися мировыми энергетическими рынками¹. Кроме того, разворачивающийся сегодня с опорой на возобновляемую энергетику Четвертый энергетический переход сопровождается широкоформатным вовлечением правительств в стимулирование соответствующих рынков, утверждением обновленных политик и стратегий развития национальной энергетики.

Первоочередной задачей, решение которой послужит ключевым элементом научной новизны, выступает критический анализ с акцентом на меры развития сектора возобновляемой энергетики принятой в 2025 г. Энергетической стратегии РФ на период до 2050 г. Большинство существующих исследований опираются на уже устаревшую стратегию на период до 2035 г., рассмотрению актуального документа уделено меньше внимания, в особенности в разрезе возобновляемой энергетики [2; 3]. Другими задачами являются рассмотрение подходов основных мировых держав и экономических объединений к стратегическому развитию энергетики, сравнительный анализ данных подходов и отечественного, а также формирование на основе имеющейся статистики и прогнозов рекомендаций для корректирования национальных приоритетов с учетом мирового опыта и выявленных тенденций.

Для решения поставленных задач и достижения цели в работе осуществляется применение таких методов, как анализ, используемый при рассмотрении государственных энергетических политик и стратегий, сравнение, позволяющее выявить общность и разницу подходов разных стран и регионов мира, графический метод, визуализирующий результаты исследования. Информационной базой исследования послужат соответствующие утвержденные документы государственных органов, в отдельных случаях законодательные акты, научные публикации по проблематике, статистические отчеты отраслевых организаций, материалы средств массовой информации [4; 5].

АНАЛИЗ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РФ ДО 2050 Г.

В апреле 2025 г. Правительство РФ утвердило Энергетическую стратегию на период до середины XXI в.². Документ, состоящий из пяти частей, представляет собой стержень стратегического развития энергетики страны, оболочкой которого выступают другие ранее утвержденные тексты, в частности Доктрина энергетической безопасности, Стратегия национальной безопасности, Климатическая доктрина, Стратегия научно-технологического развития, «майские указы» Президента РФ о национальных целях

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503079/ (дата обращения: 03.11.2025).

² Там же.

развития и др.^{3,4,5,6,7}. Для целей исследования следует проанализировать обозначенные во II части документа тенденции, которые, как ожидается, окажут влияние на мировой энергорынок на средне- и долгосрочном горизонтах. Среди них большую долю занимают обозначенные выше проблемы, например, «недоинвестирование в нефтегазовый сектор и наращивание капиталовложений в сектор возобновляемой генерации на фоне ускорения темпов роста энергопотребления», «ускорение перехода на альтернативные источники энергии...», «развитие альтернативных технологий, используемых в энергетике»⁸.

Правительство РФ учитывает тенденции глобального энергетического перехода, однако, как и ряд исследователей, связывает его не столько с общим консенсусом достижения целей устойчивого развития, сколько с «несбалансированной климатической политикой недружественных государств», усилия которых «будут стимулироваться политикой декарбонизации и введения квот на выбросы парниковых газов» [6–8]⁹. Таким образом, в тексте документа прослеживаем некоторую обеспокоенность обозначенными тенденциями, вызванную угрозой стратегической позиции России на мировых рынках энергоресурсов, по большей части удерживаемой за счет устойчивой добычи и реализации нефти, природного газа и угля.

В отношении первичных источников энергии также выделена «необходимость обеспечения надежной и устойчивой работы энергосистем со значительной долей возобновляемых источников энергии в структуре выработки»¹⁰. Этот пункт свидетельствует о том, что к 2050 г. широкая распространенность электростанций на базе возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) разработчиками стратегии считается логичной и ожидаемой, а также статистически значимой. Так, совокупно установленная мощность электростанций на базе ВИЭ в России с 2014 г. по 2024 г. увеличилась с 1,66 до 6,52 ГВт (+ 292,8 %), а доля ВИЭ в объеме электропотребления достигла 0,96 % от общего объема выработки по стране¹¹. Одновременно с этим развитие минерально-сырьевой базы, обеспечивающей ресурсное обеспечение энергосистемы, в основном описывается с позиции решения структурных проблем, присущим традиционным топливным ресурсам. Отдельно упоминается рост спроса на литий, никель, кобальт, марганец, медь, алюминий и редкоземельные металлы, задействованные в технологиях «низкоуглеродной энергетики, включающей ВИЭ и системы накопления электрической энергии»¹². Данные полезные ископаемые являются частично дефицитными в России, в особенности ставшие вновь на слуху редкоземельные металлы, мировой рынок которых во многом завязан на предложении из Китая [9].

В части перспектив развития топливно-энергетического комплекса Стратегия содержит вызовы, с которыми будет иметься вынужденная необходимость столкнуться. К внешним из них относятся «развитие и повышение экономической эффективности энергетических технологий (возобновляемые источники энергии, водород, системы накопления электрической энергии, переработки отходов)», а к межотраслевым внутренним – «потребность в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах для развития технологий новой энергетики (хранение электроэнергии, возобновляемые источники энергии, водород, улавливание и захоронение диоксида углерода, энергоэффективность) в условиях ограниченности финансовых ресурсов»¹³.

³ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324378/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407782529/> (дата обращения: 03.11.2025).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 03.11.2025).

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503079/ (дата обращения: 03.11.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ассоциация развития возобновляемой энергетики. Ежеквартальный информационный обзор рынка ВИЭ в России (январь–март 2025 г.). Режим доступа: <https://rreda.ru/products/quarterly-reviews/review-3565> (дата обращения: 03.11.2025).

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503079/ (дата обращения: 03.11.2025).

¹³ Там же.

Отдельно отметим традиционный для стратегических документов сценарный подход, в данном случае реализуемый посредством пяти выделенных сценариев. Мы обратимся только к двум из них: целевому и ускоренного энергетического перехода. Рассмотрение первого позволит наиболее точно описать стратегическую ориентацию авторов документа, поскольку именно в соответствии с данным сценарием сформулированы ключевые цели, задачи и приоритеты Стратегии. Выбор для анализа сценария ускоренного энергоперехода обусловлен его наибольшей рискованностью как с точки зрения составителей документа, так и исходя из текущей конъюнктуры мировых рынков – их ускоренная трансформация может привести к негативным последствиям для стран-экспортеров традиционных энергоносителей, к которым мы относим и Россию.

Целевой сценарий предполагает сбалансированность развития энергетического комплекса «с учетом оптимального соотношения надежного и экологичного обеспечения внутреннего рынка с наименьшими издержками и эффективной реализации экспортного потенциала, достижения национальных целей в области климатической политики, а также технологического суверенитета и конкурентоспособности отраслей топливно-энергетического комплекса»¹⁴. Отметим, что сценарий можно оценить скорее как позитивный. Предполагаем, что выбор его в качестве приоритетного при разработке дальнейших мер основан на предпосылке улучшения внешнеэкономического климата и финансовой устойчивости национальной экономики на долгосрочном горизонте планирования, что в некоторой степени не согласуется с описанными выше тенденциями развития мирового энергокомплекса.

Сценарий ускоренного энергетического перехода сконструирован из двух мало связанных предпосылок: «возвращение к более быстрым темпам декарбонизации мировой энергетики на основе возобновляемых источников энергии» здесь сопряжено со снятием «неправомерных ограничений на поставки в РФ технологий и оборудования»¹⁵. Мы убеждены в том, что ранее выявленная тенденция ускоренного перехода на альтернативные источники энергии вкупе с использованием «недружественными государствами глобальной финансовой инфраструктуры и инструментария нелегитимных односторонних ограничительных мер в сфере технологий в целях недобросовестной конкуренции» никоим образом не способствует либерализации торговли с Россией тех самых «недружественных» государств, и одно исключает другое. Данное суждение подтверждается и тем, что по тексту документа пользователь может выяснить, что при разработке учтен «долговременный характер введенных недружественными государствами односторонних ограничительных мер»¹⁶.

В контексте развития возобновляемой энергетики Стратегия предполагает в целях разработки ответных мер «умеренный темп увеличения доли возобновляемых источников энергии в сочетании с “мягкой” глобальной климатической политикой, учитывающей интересы всех государств»¹⁷. Вероятность полного отказа от традиционных энергоресурсов к 2050 г. Стратегией оценивается как низкая, и мы солидарны с таким пониманием.

Дальнейший тезис описывает стратегический подход Правительства РФ к развитию энергокомплекса с позиции ориентации на сохранение статус-кво. Несмотря на то что признается увеличение опережающими темпами в целом по планете доли ВИЭ в общем энергобалансе, это не должно сказаться на конкурентных позициях России на рынках традиционных энергоносителей, поскольку «с учетом растущего спроса на энергию ископаемые виды топлива по-прежнему будут составлять основу мировой энергетики как минимум до 2050 года»¹⁸. С точки зрения развития внутреннего рынка стратегия предполагает наращивание установленной мощности объектов ВИЭ более чем на 40 % в сравнении с базовым, принятым за 2023 г.¹⁹.

С помощью инструмента «Лист прогноза» в Microsoft Excel мы построим прогноз до 2050 г. по совокупной установленной мощности объектов ВИЭ в России, основываясь на ежеквартальной статистике Ассоциации развития возобновляемой энергетики за 2022–2024 гг. Результаты прогноза отражены на рисунке.

¹⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503079/ (дата обращения: 03.11.2025).

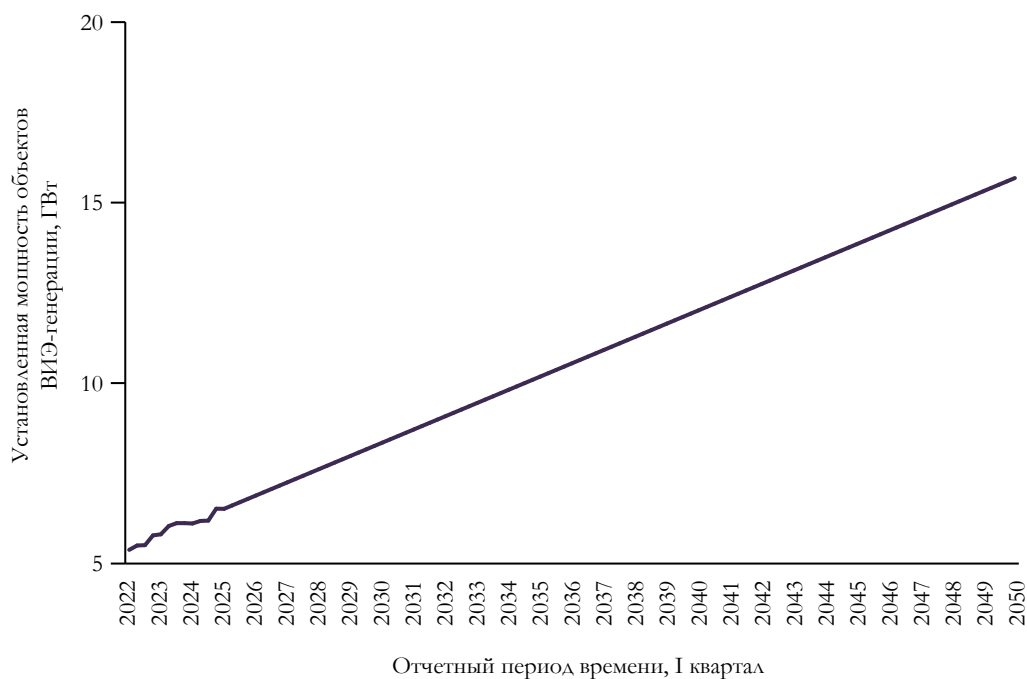
¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Составлено автором по материалам источников^{20,21,22}

Рисунок. Прогноз совокупной установленной мощности объектов ВИЭ-генерации в России до 2050 г.

Исходя из данных, мы можем предположить вероятным при прочих равных прирост совокупной установленной мощности объектов ВИЭ-генерации до 15,96 ГВт к 2050 г. (+ 145 %) при экстраполяции ежеквартальных показателей за последние три года. На таком длинном отрезке времени могут быть произведены и выведены из эксплуатации ряды мощностей, осуществлена модернизация оборудования. Кроме того, законодательство в части регулирования ВИЭ отличается динамичностью, например, в 2021 г. были внесены изменения в квалификацию малых гидроэлектростанций, вследствие которых к данной категории стали относиться объекты совокупной мощностью от 0 до 50 МВт (ранее максимальный порог составлял 25 МВт)²³.

Правительство РФ учло влияние программы поддержки – Договора о предоставлении мощности – во второй ревизии, продленной до 2035 г., в соответствии с которой ожидаемая совокупная мощность объектов генерации на базе ВИЭ по итогам программы уже в 2035 г. должна составить около 12–13 ГВт²⁴. Таким образом, нижняя планка прироста, установленная стратегией в размере 40 %, может оцениваться как заниженная и не соответствующая наблюдаемому тренду. В соответствии с целевым сценарием Стратегией предполагается достижение к 2050 г. ВИЭ (солнцем, ветром, энергией воды и др.) совокупной доли в мировом энергетическом балансе в рамках 15 %, в то время как около трети все еще прогнозируется на долю нефти, 26 % – на природный газ, около 23 % – на уголь.

Первоочередными мерами развития сегмента возобновляемой энергетики выделяются совершенствование национальных стандартов, стимулирование экспортной ориентации отрасли, развитие систем накопления энергии. Отдельно отметим, что ключевой задачей определено повышение эффективности

²⁰ Ассоциация развития возобновляемой энергетики. Информационный обзор рынка ВИЭ в России (октябрь–декабрь 2022 г.). Режим доступа: <https://rreda.ru/products/quarterly-reviews/review-407> (дата обращения: 03.11.2025).

²¹ Ассоциация развития возобновляемой энергетики. Информационный обзор рынка ВИЭ в России (октябрь–декабрь 2023 г.). Режим доступа: <https://rreda.ru/products/quarterly-reviews/review-1552> (дата обращения: 03.11.2025).

²² Ассоциация развития возобновляемой энергетики. Информационный обзор рынка ВИЭ в России (октябрь–декабрь 2024 г.). Режим доступа: <https://rreda.ru/products/quarterly-reviews/review-3371> (дата обращения: 03.11.2025).

²³ Постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2021 г. № 328 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378530/ (дата обращения: 03.11.2025)

²⁴ Ассоциация развития возобновляемой энергетики. Конкурсные отборы инвестиционных проектов ВИЭ. Режим доступа: <https://rreda.ru/industry/competitive-selection/> (дата обращения: 03.11.2025).

ВИЭ-генерации «с целью обеспечения конкурентоспособности таких генерирующих объектов в рамках рыночных механизмов возврата инвестиций»²⁵. Логика выделения именно этой задачи ясна – на сегодняшний день слабая предсказуемость генерации и дефицит необходимых аккумулирующих мощностей являются одними из главных препятствий для формирования устойчивой инвестиционной привлекательности проектов в сфере ВИЭ. И.А. Гулиев выделяет среди слабых сторон в сфере альтернативной энергетики России «технологический разрыв в возобновляемой энергетике», который ведет к ограниченной эффективности и рентабельности таких проектов [2, с. 11]. Любопытно, что последней мерой сравнительно осторожно описана возможность развития электростанций на базе свалочного газа, или биогаза, но только «при необходимости и при наличии экономической и инвестиционной целесообразности»²⁶.

ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГЕТИКА В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Содержательный анализ энергетической стратегии России до 2050 г. продемонстрировал учет роли возобновляемой энергетики в качестве умеренно развивающегося сегмента, не доминирующего в энергобалансе страны и мира на указанном горизонте планирования. В противовес этому видению приведем стратегическое видение Европейского союза (далее – Евросоюз, ЕС), некогда важнейшего российского торгово-экономического партнера в сфере энергетики, но на фоне внешнеполитических событий предпочтительнее ограничить и даже прекратить сотрудничество.

В мае 2022 г. Еврокомиссией был опубликован документ, посвященный политике ЕС в сфере «внешнего энергетического взаимодействия в изменяющемся мире»²⁷. Акценты в нем расставлены предельно конкретно: энергетическая политика ЕС направлена на укрепление союзной энергетической безопасности путем диверсификации энергосистемы и повышения энергоэффективности и экономии энергии. Ознакомление с ключевыми целями также позволяет выделить одной из движущих сил энергетической политики рассматриваемого региона внешнеполитическую конъюнктуру и роль России в ней. Это указано прямо в тексте документа, в частности справедливо подчеркиваемая зависимость от поставок российского природного газа расценивается одновременно как угроза энергетической безопасности и как стимул для замещения потребности в нем ВИЭ, низкоуглеродными источниками энергии и методами повышения энергоэффективности. Документ предполагает, что уже к 2050 г. в структуре мирового энергетического баланса около 90 % будут занимать ВИЭ, что обосновывается без приведения соответствующей статистики уже достигнутой сравнительно дешевой электроэнергией, выработанной на ветровых и солнечных станциях в большинстве регионов мира. Кроме того, стратегия ЕС исходит из того, что «около 80 % населения мира проживает в странах, являющихся импортерами энергии», что расценивается как один из ключевых мотивов развития ВИЭ-генерации, поскольку ведет к самостоятельности в обеспечении энергетических потребностей²⁸.

Важно подчеркнуть, что стратегия не отталкивается исключительно от стратегической независимости и экологической устойчивости – признается невозможность замены всего ископаемого топлива в энергобалансе водородной и возобновляемой энергетикой. В связи с этим ЕС предполагает кооперацию и технологическое и научное сотрудничество в целях разработки, создания и вывода на глобальные рынки решений улавливания выбрасываемого углекислого газа от сжигания традиционных энергоносителей, а также технологий утилизации и хранения CO₂.

Как было показано, стратегический подход ЕС в корне отличается от российского, как мы полагаем, именно по причине разницы в ресурсном обеспечении: Россия, богатая традиционными энергоносителями, стремится удержать статус-кво и делает упор в своей политике на развитие уже имеющихся конкурентных преимуществ. Евросоюз ввиду геополитических и экологических предпосылок стремится избавиться от потребности в угле, нефти и газе за счет замещения их возобновляемой энергетикой. Несмотря на то что публичное оправдание такой политики объединения европейских государств реализуется в терминах стабильного и устойчивого будущего, социальной справедливости, «зеленой» и инновационной экономики, между строк все же прослеживается именно нежелание сотрудничества с Россией

²⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503079/ (дата обращения: 03.11.2025).

²⁶ Там же.

²⁷ Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions EU external energy engagement in a changing world. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2022%3A23%3AFIN&qid=1653033264976> (дата обращения: 03.11.2025).

²⁸ Там же.

по поставкам природного газа, угля и нефти. А.А. Абрамова справедливо отмечает, что реализация задач для достижения амбициозных целей так называемой «Европейской зеленой сделки» сопряжена с «колоссальными финансовыми вложениями и займет достаточно продолжительное время» [10, с. 353]. По данным Международного энергетического агентства, к концу 2025 г. объем инвестиций ЕС в экологически чистую энергетику достигнет около 390 млрд долл. США, что в 35 раз превысит вложения региона в традиционную топливную энергетику²⁹.

Между тем Евросоюз не способен в полной мере влиять на суверенные решения входящих в него государств. Так, стратегия Италии отталкивается не столько от экологических целей, сколько от необходимости диверсификации энергокомплекса, что выражается в укреплении сотрудничества со странами Африки, Ближнего Востока, балканскими государствами. Государство реализует именно географическую диверсификацию поставщиков энергии, при этом структурно все же опирается на природный газ [7].

ОСОБЕННОСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В СФЕРЕ ВИЭ

Энергетическая политика Соединенных Штатов Америки (далее – США) подвержена, с одной стороны, влиянию линии правящей в данный момент партии, а с другой – лоббированию интересов крупных производителей энергоресурсов. Так, в годы президентства Б. Обамы, Дж. Байдена и усиления позиций Демократической партии «зеленая» повестка и проблемы глобального изменения климата считались ключевыми в энергополитике, а при очередном приходе к власти Д. Трампа, напротив, укреплялась роль «нефтянки» и подчеркивалась надуманность климатической проблематики [8]. Важно отметить, что власти США обладают определенной независимостью от федеральных органов, а выраженная рыночная либерализация страны позволяет бизнесу принимать решения исходя не из государственных приоритетов, а их собственной экономической целесообразности.

О.А. Хлопов резюмирует, что при президентстве демократа «США придают новый импульс развитию экологически чистой энергии и своим обязательствам по борьбе с изменением климата на федеральном уровне», а «на внешнем фронте деятельность правительства направлена на борьбу с международной конкуренцией со стороны других крупных экономик, на увеличение экспорта американского сжиженного газа» [8, с. 100]. Вновь избранный Д. Трамп, напротив, видит в традиционных энергоносителях «ключевой фактор обеспечения долгосрочного роста американской экономики», что ведет к переоценке роли развития отрасли ВИЭ, «перспективы которой с точки зрения способности оказывать значимую поддержку экономическому росту теперь оцениваются как сомнительные» [3, с. 44–46]. Такое видение роли возобновляемой энергетики, как и в случае с Россией, является позволительной роскошью для теперь уже чистого энергоэкспортера, коим стали США на рынках природного газа и нефти уже в конце 2010-х гг., при этом заполучив дополнительный объем потенциального сбыта сжиженного природного газа на европейском рынке³⁰.

ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГЕТИКА В ПОЛИТИКЕ КИТАЕ

Энергетическая политика Китая отличается своей спецификой ввиду значительной роли государственной власти в рыночном механизме. Пятилетки, используемые в государственном планировании, позволяют Китаю четко формулировать среднесрочные ориентиры развития, в том числе касающиеся усиления роли возобновляемой энергетики в энергобалансе страны. Так, целью четырнадцатого пятилетнего плана с окончанием в 2025 г. стало увеличение в структуре энергопотребления ВИЭ-генерации до 33 %, а без учета гидроэнергетики – до 18 % от общего объема [9]. Несмотря на амбициозность целей, объясняемую как с позиции роли китайской промышленности в планетарном объеме выбросов CO₂ и, следовательно, необходимости производить энергию более экологически чистыми способами, так и с учетом богатства необходимыми в реализации энергоперехода редкоземельными металлами и другими полезными ископаемыми, использование страной угля остается активным и на дальнем горизонте планирования. Объяснение этого парадокса кроется в отраслевой структуре занятости – около 3 млн граждан Китая заняты в угольной промышленности, и в случае уменьшения добычи и реализации этого энергоносителя последуют соответствующие сокращения, что неприемлемо для государства, позиционирующего себя как социалистическое [9].

²⁹ IEA. World Energy Investment 2025. Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025> (дата обращения: 03.11.2025).

³⁰ Там же.

Тем не менее усиление роли возобновляемой энергетики стимулируется не только правительством, оказывающим поддержку внутреннему рынку и технологическому развитию, но и выгодным географическим положением государства. Северные провинции характеризуются потенциалом для развития ветрогенерации. Южные, напротив, позволяют эффективно развивать солнечную энергетику, а мощность протекающих рек способствует реализации крупных гидроэнергетических проектов, например, «Три ущелья»³¹. И.Ю. Ховавко и Ц. Чжоу фиксируют, что за первые четыре пятилетки XXI в. в Китае «произошла существенная реструктуризация энергетического сектора», что отражается в замедлении темпов потребления каменного угля, усилении роли возобновляемой и атомной энергетики [11, с. 35]. Статистика Международного энергетического агентства подтверждает этот тезис: объем инвестиций Китая в чистую энергетику в 2024 г. составил более 625 млрд долл. США, благодаря чему цель по совокупной установленной мощности объектов ветровой и солнечной энергетики на 2030 г. была достигнута досрочно³². Л.Н. Орлова, характеризуя генезис государственной политики устойчивого развития в области ВИЭ, акцентирует внимание на глобальном лидерстве Китая в производстве возобновляемой энергии, что обеспечивается за счет эффективных программ поддержки отрасли, в особенности политики льготного налогообложения ветроэнергетики, стандарта портфеля ВИЭ, соглашений о покупке электроэнергии [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате обзора государственных политик крупнейших мировых держав и регионов, с которыми Россия связана торгово-экономическими отношениями в сфере энергетики, мы подтвердили гипотезу: чем более независимой с точки зрения обеспеченности традиционными энергоресурсами является страна, тем в меньшей степени она учитывает роль возобновляемой энергетики в контексте достижения обозначенных целей вне зависимости от принятия на себя обязательств по достижению целей устойчивого развития, которые мы связываем в данном контексте с генерацией энергии экологически чистыми способами.

Несмотря на то что горизонт планирования рассмотренных политики отдален и точность прогнозов может быть оценена лишь спустя значительное время, мы отмечаем излишний оптимизм ЕС в отношении увеличения роли возобновляемой энергетики в структуре мирового энергетического баланса, так же, как и утверждаем недооценку Россией решимости стран-импортеров энергоресурсов в контексте развития этой перспективной отрасли.

Одной из рекомендаций для национального стратегического планирования выделим необходимость пересмотра прогнозных значений структуры энергобаланса на рубеже 2035–2050 гг., поскольку имеются все основания полагать, что намерения Китая, ЕС и США нарастить инвестиции в возобновляемую энергетику представляют собой не просто стремление исключить всякое сотрудничество с Россией и политическую подоплеку, но и важный элемент формирования устойчивой конкурентоспособности на рынках возобновляемой энергетики, которую России с учетом указанных тенденций также желательно обеспечить. Кроме того, ввиду актуального на сегодняшний день геополитического потепления отношений с США имеются перспективы реализации совместных проектов, на уровне глав государств уже озвучивался такой вариант сотрудничества³³. Укрепление кооперации стран и регионов должно способствовать не только достижению целей климатической политики, но и ускоренному развитию технологий и повышению эффективности разработок в сфере возобновляемой энергетики, эксплуатации объектов ВИЭ-генерации и их экологически приемлемой утилизации, что позволит избежать создания новых проблем в угоду решения старых.

С учетом уже не раз озвученной идеи необходимости диверсификации экономики в целом и структуры экспорта России в частности не следует забывать о высокой волатильности нефтяных котировок, которая отнюдь не способствует стабилизации финансового положения бюджета государства, существенная часть которого формируется за счет налоговых и торговых поступлений от нефтегазового комплекса. В связи с этим развитие возобновляемой энергетики позволит, не дожидаясь вероятного ухудшения мировой конъюнктуры, укрепиться на формирующемся рынке и сформировать устойчивые конкурентные преимущества, которые через 25 лет смогут сыграть такую же важную роль, какую сегодня играют нефть и природный газ.

³¹ Укромление строптивой: зачем в Китае построили «Три ущелья» и как они изменили мир. Режим доступа: <https://gge.ru/press-center/news/ukroshchenie-stroptivoy-zachem-v-kitae-postroili-tri-ushchelya-i-kak-oni-izmenili-mir> (дата обращения: 03.11.2025).

³² IEA. World Energy Investment 2025. Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2025> (дата обращения: 03.11.2025).

³³ Путин заявил о готовности предложить иностранцам редкоземельные проекты. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2025/67bceef39a7947cd98ecfab6> (дата обращения: 03.11.2025).

Список литературы

1. Смирнов, Е. Н. Мировая экономика: сценарии перезагрузки / Е. Н. Смирнов. – Москва: Перо, 2025. – 144 с. – ISBN 978-5-00258-618-9. – EDN YYXQXO.
2. Гулиев, И. А. Стратегическая технологическая адаптация России к глобальному энергетическому переходу: анализ сектора неуглеродных источников энергии / И. А. Гулиев // Управление риском. – 2024. – № 2(110). – С. 9–19. – EDN EQIFQJ.
3. Экологический фактор геоэкономической конкуренции / С. В. Каратаев, И. Н. Баженов, Д. Н. Лыжин [и др.] // Проблемы национальной стратегии. – 2025. – № 1(88). – С. 12–65. – DOI 10.52311/2079-3359_2025_1_12. – EDN IXFSHP.
4. Смагулова, С. М. Новые векторы развития глобальной энергетики: приоритеты России и зарубежных стран / С. М. Смагулова. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью “Сибирская академическая книга”, 2022. – 346 с. – ISBN 978-5-6048579-1-5. – EDN KJKJGC.
5. Мога, И. С. Использование зарубежного опыта при внедрении возобновляемых источников энергии в России : специальность 08.00.14 “Мировая экономика”: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Мога Ирина Сергеевна. – Москва, 2012. – 232 с. – EDN QFTRVL.
6. Мальчук, А. А. Эволюция энергетической политики Евросоюза и проблемы энергобезопасности / А. А. Мальчук, В. А. Зубенко, А. В. Фролов // Проблемы теории и практики управления. – 2024. – № 5-6. – С. 23–45. – EDN IRXFBO.
7. Овакимян, М. С. Энергетическая политика Италии в условиях антироссийских санкций / М. С. Овакимян, М. А. Пожидаев // Горизонты экономики. – 2024. – № 6(86). – С. 81–88. – EDN FWIOHR.
8. Хлопов, О. А. Проблема изменения климата в энергетической политике администрации Джозефа Байдена / О. А. Хлопов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – № 3. – С. 85–108. – DOI 10.31857/S2686673023030069. – EDN HBJHLZ.
9. Malz, N., Oei, P.-Y. China’s Energy Policy. An Overview for Policy Makers. HRSG: FOSSILEXIT, 2024. – DOI 10.13140/RG.2.2.13750.31042.
10. Абрамова, А. А. Энергетическая политика ЕС: сложности на пути реализации поставленных задач / А. А. Абрамова // Проблемы постсоветского пространства. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 347–355. – EDN EFTQVK.
11. Ховавко, И. Ю. Энергетическая стратегия Китая: на пути к устойчивому развитию / И. Ю. Ховавко, Ц. Чжоу // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2024. – Т. 16, № 3(53). – С. 35–46. – DOI 10.38050/2078-3809-2024-16-3-35-46. – EDN VXOSMN
12. Орлова, Л. Н. Государственная политика устойчивого развития в области возобновляемой энергетики: генезис проблемы / Л. Н. Орлова, Ю. Ху // Экономика устойчивого развития. – 2024. – № 1(57). – С. 110–117. – EDN XUUBAJ.

References

1. Smirnov, E. N. (2025). *Global economy: Reset scenarios*. Moscow: Pero. (In Russian).
2. Gullyev, I. A. (2024). Russia’s Strategic Technological Adaptation to the Global Energy Transition: An Analysis of the Non-Carbon Energy Sector. *Risk Management*, 110(2), 9–19. (In Russian).
3. Karataev, S. V., Bazhenov, I. N., Lyzhin, D. N., Prokopenkova, I. O., & Troshin, N. N. (2025). Environmental Factor of Geo-Economic Competition. *National Strategy Issues*, 88(1), 12–65. (In Russian).
4. Smagulova, S. M. (2022). *New vectors of global energy development: priorities of Russia and foreign countries*. Novosibirsk: SibAC LLC. (In Russian).
5. Moga, I. S. (2012). *Using foreign experience in the implementation of renewable energy sources in Russia*. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.14. Moscow. (In Russian).
6. Malchuk, A. A., Zubenko, V. A., & Frolov, A. V. (2024). Evolution of European Union’s Energy Policy and Energy Security Problem. *Problems of theory and practice of management*, 5-6, 23–45. (In Russian).
7. Ovakimyan, M. S., Pozhidaev, M. A. (2024). Energy Policy of Italy Under Anti-Russian Sanctions. *Horizons of Economics*, 86(6), 81–88. (In Russian).
8. Khlopov, O. A. (2023). The Problem of Climate Change in the Energy Policy of the Biden Administration. *USA & Canada: economics, politics, culture*, 53(3), 85–108. (In Russian).
9. Malz, N., Oei, P.-Y. (2024). *China’s Energy Policy. An Overview for Policy Makers*. HRSG: FOSSILEXIT. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13750.31042>
10. Abramova, A. A. (2023). EU Energy Policy: Difficulties in the Way of Implementation of Tasks. *Post-Soviet Issues*, 10(4), 347–355. (In Russian).
11. Khovavko, I. Yu., Zhou, C. (2024). China’s Energy Strategy: Towards Sustainable Development. *Scientific Research of Faculty of Economics*, 53(3), 35–46. (In Russian).
12. Orlova, L. N., Hu, Yu. (2024). State policy for sustainable development in the field of renewable energy: genesis of the problem. *Economics of Sustainable Development*, 57(1), 110–117. (In Russian).